

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru
Спасибо, что выбрали форум Бакши buckshee-Спорт, авто, финансы, недвижимость.
Здоровый образ жизни. Приятного чтения! <http://buckshee.petimer.ru/>

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов

1

Случилось так, что я остался один. Вернулся из командировки, а в дверях моей квартиры – лаконичная, но выразительная записка: «Квартира обменена. Твой чемодан у соседей. Лина». Лина – это моя бывшая жена. Почерк торопливый, небрежный. Поглазев на столь знакомую, обитую коричневым дерматином дверь – мы прожили в этой квартире пять лет, – я, отныне бывший муж, сунул в карман смятый обрывок какой-то квитанции с запиской на обороте и направился к соседям, которые жили этажом ниже.

Не скажу, чтобы я особенно удивился тому, что произошло. Наша семейная жизнь давно развалилась, и мы, уже разведенные, жили рядом по инерции, дожидались, пока кто-нибудь первым положит конец этому безрадостному существованию. И вот это сделала Лина. Подивился я только одному: почему она, провожая меня в командировку, не сказала, что будет заканчивать дела с обменом квартиры именно в мое отсутствие? И даже на пороге нежно поцеловала – наверное, тоже по привычке, по инерции...

Впрочем, это рассказ не о моей неудавшейся семейной жизни, а совсем о другом. О другой жизни – и тоже, можно сказать, неудавшейся.

Еще подходя к двери соседей, я услышал лай. Это был голос Карая. Я всегда удивлялся его поразительной способности учуять меня сквозь толстые кирпичные стены. Стоило мне в любое время дня или ночи подняться на свою лестничную площадку, Карай заливался радостным лаем. Справедливости ради надо сказать, что бывали исключения: например, когда я возвращался домой из гостей в подпитии, Карай не только не лаял, но и не встречал меня на пороге, не прыгал на грудь. Почему-то в такие моменты он предпочитал вообще не показываться мне на глаза. Не из-за того, упаси бог, что я, допустим, мог ударить его или обидеть – наоборот, я его еще больше любил и пытался ему это доказать словами и лаской, но он, очевидно, все эти знаки внимания не принимал всерьез, как трезвый человек не принимает всерьез пьяную болтовню приятеля, вроде «Ты меня уважаешь?...» Карай не переносил даже запаха спиртного.

Впрочем, это мелочи. За все те годы, что Карай прожил с нами, он по самым разным поводам не переставал меня удивлять.

...Карай – чистопородный эрдельтерьер. У меня до сих пор хранится его родословная, которой мог бы позавидовать любой аристократ. В родословной прослеживалось что-то около пятнадцати поколений. Все предки моего Карая были медалистами и чемпионами в своих собачьих делах. Дед его – Зайсан – был чемпионом Советского Союза, а отец – Самбо – чемпионом Ленинграда. Мать же, Цыганка, отличалась великолепным экстерьером и красотой, за что на каждой выставке получала медали.

Карай, надо полагать, пошел в своих родителей, но, на его беду, хозяин ему попался не слишком тщеславный. Должен признаться, что грудь этого благородного отпрыска столь достославных родителей не украшала ни одна завалыющая медаль. И виноват в этом был, конечно, только я один.

Когда Карая исполнилось два года и он прошел со мной на собачьей площадке обычный курс подготовки, я повел его на городскую выставку, где надеялся вместе с моим талантливым песиком завоевать все золотые и серебряные медали. Подобную непростительную самоуверенность внушила мне его великолепная родословная...

Помнится, был конец мая. На зеленом стадионе, где открылась выставка служебных собак, стоял длинный судейский стол, за которым восседали весьма солидные и серьезные специалисты-собаководы. Они негромко переговаривались между собой и без всякого интереса поглядывали на хозяев собак: по-моему, нас они вообще не замечали, как не замечает цыган телегу и сбрую, сосредоточив все свое внимание на лошади. Интерес появлялся в глазах судей, только когда они осматривали собак.

Сражение за медали началось довольно нудно и примитивно: мы, владельцы собак,

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru ходили с ними по лужайке вокруг длинного стола, а суровые судьи, посовещавшись между собой, просили то одного, то другого из нас перейти с такого-то места на такое-то. Я, почему-то оказавшийся в самом конце этой странной процессии, медленно продвигался вперед. Грузный генерал-майор в отставке (по этому случаю он надел форму с многочисленными орденскими колодками) солидно, как на параде, вышагивал передо мной. Кокарда на его обшитой золотым шнуром фуражке пускала ослепительных зайчиков. У ноги его рассеянно семенил поджарый худосочный эрдельтерьер. В отличие от генерала, полностью проникнувшегося ответственностью за все происходящее, пес его вел себя не совсем прилично. Он вертел топорикообразной головой с тощей бородашкой, поминутно совался носом в подстриженную траву, что-то вынюхивал, кося коричневым глазом, оборачивался на Карая, явно выказывая желание поближе с ним познакомиться... И все это происходило в то время, когда ему полагалось чинно, с достоинством вышагивать у ноги своего хозяина. Окончательно песик опозорился, когда им велели остановиться. Вместо того чтобы ушастым столбиком присесть подле хозяина, он осатанело рванулся куда-то в сторону, но генерал удержал его, натянув поводок, и тогда возбужденный эрделька изящно задрал мохнатую ногу и, глядя на судей умным, сосредоточенным взглядом, обрызгал хозяину брючину с ярким красным лампасом.

Не оценив по достоинству собачий юмор, судьи попросили генерала передвинуться сразу на два места дальше. Я оказался еще ближе к началу нашей небольшой процессии. До награды, как говорится, оставалось рукой подать: дело в том, что трем первым причитались дипломы и медали. Когда передо мной оказалось всего двое и я уже в волнении предвкушал, как прицеплю к ошейнику Карая первую, пусть даже бронзовую, медаль за экстерьер, случилось непоправимое: судья небрежно подозвал меня к себе и стал придирчиво исследовать Карая. Ни капли не боясь, что тот его цапнет за руку, оттянул губу, обнаружив белые и ровные как на подбор зубы пса. Прикус у Карая был безукоризненный. Затем стал мять мышцы лап, тискать суставы, изучать уши, щупать шерсть... На последнем мы и срезались! Не желая мучить щенка выщипыванием, я всегда подстригал Карая ножницами – в результате шерсть оказалась мягче, чем положено.

Когда судья деловито показал мне, куда надо встать (я снова должен был шагать за генералом), я плюнул на всю эту канитель и ушел со стадиона. Мне надоело ходить по кругу как заведенному, тем более что жара становилась все невыносимее. Почтенные владельцы собак вытирали платками пот с лиц и лысин. Багроволицый генерал в отставке, воспрянувший духом после моего поражения, сделал своему эрделю серьезное внушение, и теперь тот послушно трусил впритирку к окропленной ноге хозяина. На других собак он больше не оглядывался. Кроме того, мне надоело быть «Караем» – судьи всех нас величали кличками наших собак; генерал, например, именовался Тюпой, а солидный гражданин в соломенной шляпе, судя по всему – руководитель какого-нибудь крупного предприятия, Найдой. Да, чего только не натерпишься ради медали для своей любимой собаки!..

Добираясь с пересадками домой на трамвае (на другие виды транспорта с собаками не пускают), я рассеянно мурлыкал слова старой песенки: «Ордена-медали нам с тобой не дали...» В отличие от своего жизнерадостного и философски настроенного пса, которому, по-видимому, было начхать на все знаки отличия на свете, я, мягко говоря, был немного разочарован.

Это была первая и последняя попытка возвести Карая на собачий Олимп, дорогу куда, преодолевая все хитроумные барьеры, протоптали в свое время его славные предки.

И вот мы остались вдвоем: Карай и я. Живем мы в огромной коммунальной квартире в Басковом переулке. Мой пес оказался на редкость покладистым и быстро завоевал расположение многочисленных соседей. Время от времени они стучали в дверь и предлагали для него остатки супа, кости или еще какое-нибудь собачье угощение. А когда меня не было – ставили кастрюльки и тарелки на пол у двери. Случалось, в потемках я задевал их и опрокидывал...

На дворе – поздняя ленинградская осень, за окном сыплет дождь. Слышно, как из водосточных труб хлещет на тротуар вода. Я сижу за письменным столом, а Карай лежит у бездействующего камина на своей клетчатой подстилке. Голубоватый свет от настольной лампы (в это время года в моей комнате даже днем темно) падает на курчавую шерсть Карая. Черные с проседью колечки на его спине блестят, блестят и живые коричневые глаза. И устремлены они на меня. Я это чувствую затылком. Слышу

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru
я и тяжкие вздохи с приглушенным завыванием (так вздыхает придавленный непосильным горем человек, у которого, скажем, умерла жена – не ушла к другому, предусмотрительно обменяв квартиру, а именно почил в бозе). Но я-то знаю цену этим мученическим вздохам! Караю хочется на улицу, но, будучи деликатным псом, он не беспокоит меня, не подходит и не кладет лапу на колено – дескать, поднимайся, друг, пора на прогулку, а дождь – это ерунда: не сахарные, не растаем! Он видит, что я работаю и мне мешать нельзя. Но вздохнуть можно – даже с легким постаныванием и осторожным клацаньем зубов с великолепным прикусом, которым я всегда так гордился.

Естественно, подобные вздохи, если они следуют один за другим, и мертвого поднимут из могилы. «Чертов пес, – бормочу я, вставая из-за стола. – Из-за тебя мысль упустил... Тащись теперь в слякоть и дождь...»

Как всегда, он мгновенно уловил мое настроение и ведет себя соответственно этому. Обычно, когда я веду его на прогулку, он срывается с места, лает, прыгает вокруг, а тут молча сидит на подстилке и недоуменно таращится на меня: мол, что, хозяин, поднялся? Работал бы и работал. А я – чего? Я подожду...

Я вижу, что он, стервец, хитрит, и, не сдержав улыбки, машу рукой: ладно, пошли! И тут он выдает себя с головой. Барсом прыгает на меня, ударяя передними лапами в грудь и стараясь лизнуть в лицо, гортанно, сдерживаясь (он знает, что в коммунальной квартире лаять не полагается), что-то бормочет на своем собачьем языке, вертится вьюном, даже случается, от избытка чувств может капнуть на паркетный пол.

Карай первым спускается по стершимся каменным ступенькам со второго этажа. Он никогда не выскочит на улицу (наш дом стоит на углу Баскова переулка и улицы Восстания) – знает, что там многолюдно и небезопасно, – круто сворачивает к другому выходу, во двор, и, носом отворив бурую дверь, исчезает там. Когда дождь, на дворе никого не видно – и Карай, прилепившись к каменному фундаменту, надолго застывает в блаженной позе долго засидевшейся в квартире собаки: одна нога вздернута, голова опущена и повернута в мою сторону. Он неподвижен, как памятник, лишь живой, беспокойный взгляд торопливо скользит по двору. Городская собака знает, что в любой момент может появиться дворничиха с метлой и лопатой – и тогда даже любимый хозяин не защитит от несправедливой кары. Но должна, в конце концов, собака где-нибудь пописать! Собаки в правилах и указаниях не разбираются: вырвавшись из квартиры, они ищут первый попавшийся столбик или дерево; за неимением таковых пристраиваются, где придется, и на морде иного пса в критический момент такое несчастное выражение, что сразу понятно: он чувствует себя последним преступником. Я уж не говорю о большой собачьей нужде. Некоторые владельцы собак, живущие в центре, носят с собой обшарпанный голик и совочек, чтобы тут же ликвидировать следы собачьего «преступления».

Низкое мутно-серое небо опустилось на мокрые блестящие крыши. Рваные клочья скорее дыма, чем облаков, цепляются за рогатки телевизионных антенн. Из шумящих водосточных труб весело брызгают струйки. Редкий прохожий, втянув голову в плечи, торопливо прошуршит в плаще мимо. Карай трусит впереди, уткнув нос в тротуар. Его поджарый зад всегда почему-то немного заносит в сторону. Карай напоминает мне тяжелый грузовик с прицепом, медленно ползущий по шоссе. Треугольные, заросшие нежно-золотистой курчавой шерстью уши пса хлопают на ходу, коричневая борода слиплась и смешно загибается вверх, как у дьячка из какого-нибудь старого кинофильма. Иногда он останавливается как вкопанный, тщательно обнюхивает тонкий черный ствол чахлого деревца или серый бугристый камень фундамента и, потоптавшись на месте, деловито оставляет свою отметку. Вид у него при этом такой, будто он занимается исключительно важным делом. Сейчас он не обращает на меня внимания – вряд ли помнит, что я рядом. Ежась в плаще на холодном ветру и слизывая дождевые капли с холодных губ, я плетусь вслед за ним. Мелкий дождь сечет по лицу, стекает за воротник. В руке у меня позвякивает карабином поводок. Я редко беру Караю на поводок – он этого не любит. И потом он никогда напрасно не залает, не привяжется. В этом проявляется его порода, воспитанность. Без моего молчаливого согласия он даже к встречной собаке не подойдет, хотя я понимаю, каких трудов ему это стоит.

Карай бежит по тротуару, прижимаясь к домам, – это тоже привычка городской собаки: ведь в большом шумном городе недолго и под машину угодить! – и ни на кого не обращает внимания. Прохождение для него не существуют. У них свои заботы, у него свои. До прохожих ли тут, если бедному псу лишь три раза в день отводится

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru по полчаса для прогулки. Это еще когда погода хорошая, а сегодня под дождем я, пожалуй, и пятнадцать минут не выдержку. И Карай это знает, потому и спешит все свои дела побыстрее сделать – так сказать, потратить отпущенное ему время с толком. Я часто ловлю его умоляюще-вопросительный взгляд: «Ну еще немного, а? Прогуляемся вон до того угла – и домой?...» Я киваю, и он, благодарно мотнув несколько раз головой, обрадованно устремляется вперед. Дождя он не замечает. И потом, на нем не легкий дождевик, а теплая шуба.

Я же шагаю по скользкому тротуару, и разные мысли о «братьях наших меньших» одолевают меня.

Прекрасно, конечно, иметь собаку. Особенно такую чуткую. Причем – в большой степени от тебя самого зависит, какой она станет, живя рядом с тобой. Из бестолкового, суматошного щенка на глазах вырастает красивый, умный пес, который становится полноправным членом твоей семьи. Да иначе и быть не может: ведь он все время рядом с тобой – и днем и ночью. В сельской местности к собаке относятся иначе: она либо охотится, либо охраняет дом. Живет она не в квартире, а на дворе, и чаще всего, чтобы была злее, сидит на цепи. Сельская собака прекрасно чувствует расстояние между собой и хозяином – соответственно и ведет себя. С городской же дело обстоит иначе. Хочет этого хозяин или нет, собака знает все его слабости и недостатки – и не только хозяина, а и его близких. От каждодневного общения с человеком пес приобретает совсем не свойственные сельской собаке навыки и привычки.

Часто говорят: каков, мол, хозяин, такова и собака. И еще: что собака почти всегда похожа на своего хозяина или хозяйку. Кто из нас не наблюдал задумчиво идущих по тротуару хозяина и собаку! Одного взгляда достаточно, чтобы определить, что они не один год живут вместе. И действительно, подчас пес чем-то напоминает своего хозяина – если не обликом, то какими-то, хотя бы внешними, чертами характера: то ли походкой, то ли привычкой смотреть на прохожих... Кстати, это излюбленная тема карикатуристов. А художники народ зоркий, они первыми заметили столь удивительное сходство!

Почти тринадцать лет пробыли мы с Караем вместе. За эти годы благодаря ему я познакомился с десятками интереснейших людей, которым стихийно присвоили наименование «собачников» (впрочем, никто на это не обижается), и с полной ответственностью могу утверждать, что собака не только уживается с любым человеком, плохим или хорошим, но и постепенно перенимает черты его характера. А мы, люди?... Вот распалась семья, и говорят: дескать, муж и жена не сошлись характерами, не подошли друг другу... Не удивительно ли, что царь природы, вершина интеллекта – человек часто не способен понять даже близкого человека, не может найти с ним общий язык?... Лишенная же речи собака «сходится характером», великолепно уживается с любым человеком и отлично понимает его. Недобрый человек, замкнутый – и собака такая же. Зайдите в квартиру к такому человеку, и пес с рычанием бросится на вас, с трудом сдерживаемый хозяином. Такую собаку не приласкаешь, не погладишь – обойдешь стороной. Да и гулять их выводят в намордниках... И наоборот, у общительного человека и пес жизнерадостный, веселый. Услышав звонок, первым бросается приветствовать гостей, и радость его – бурная, искренняя... Человек – поэт, лирик, любит помечтать, пофилософствовать. И четвероногий друг не отстает от него – такой же рассеянный, задумчивый. В лунную ночь, когда хозяин считает на небе звезды, шепча строки стихотворения, пес тоже может задрать голову и в пылу творческого вдохновения исполнить жутковатый лунный романс...

Городская собака способна запомнить до пятисот слов. Молча сидя в своем углу, она отлично ориентируется в домашней обстановке: знает, когда назревает в семье ссора, и, бывает, пытается ее предотвратить; прекрасно чувствует настроение каждого члена семьи; может без напоминаний утром принести тебе из прихожей тапочки или ботинки, вовремя поднимет на работу – не надо и будильника; будет стоически ждать, пока не выведешь на улицу, и терпение ее безгранично. Да что говорить! О чуткости, благородстве, деликатности, находчивости и особенно преданности четвероногих друзей написаны десятки книг, а сколько удивительных рассказов можно услышать от владельцев собак!..

Гибель собаки многие люди воспринимают как потерю близкого человека. Когда я жил на бывшем Старо-Невском проспекте – Караю было немногим больше года – я познакомился со всеми собачниками дома. Чаще всего мы гуляли с собаками по Полтавской улице, выходили и на Гончарную, а иногда направлялись мимо складских

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru помещений к Обводному каналу. Этажом выше, прямо надо мной, жил Иван Николаевич, шофер по профессии. Человек он был непьющий, замкнутый. У него была западноевропейская овчарка Марта, и он в ней души не чаял. Жена Ивана Николаевича рассказывала, что они ничего не жалеют для своей любимицы. Лучшее мясо – ей. Муж спешил с работы, чтобы поскорее вывести ее на улицу. И гулял по два-три часа в день. Держался он всегда со своей Мартой особняком – все же мы с ним сошлись, вернее, собаки нас свели. Мой маленький Карай бесстрашно тыкался мордой в хвост овчарки, заигрывал с ней, налетал с рычаньем, предлагая порезвиться. Марта была собака суровая, недоверчивая, злая, угрюмая, ни у кого, кроме хозяина, не вызвала желания погладить ее или приласкать, но, хотя все другие собаки нашего двора старались обходить ее стороной, моего малыша она терпела и никогда на него даже не рычала (взрослая собака обычно не обидит щенка, так же как кобель не обидит суку, порой терпя от нее всяческие унижения). И вот однажды на Полтавской улице Марту сбил грузовик – их много тут ходит с контейнерами. Иван Николаевич на руках отнес собаку к ветеринару, но спасти ее не удалось. Несколько дней спустя, встретив его у арки дома, я с трудом узнал соседа – так сильно он изменился. Позже он, неожиданно для всех, надолго запил – его чуть было не уволили с работы за прогулы. Его расстроенная жена побежала в клуб собаководства и притащила оттуда щенка той же породы – Иван Николаевич не захотел и взглянуть на него. Уже потом, несколько прийдя в себя, он рассказал мне, что со смерти матери не испытывал такого сильного горя... А щенка он позже полюбил. Назвали его Байкалом. Он вымахал с теленка, но в отличие от Марты пока был весьма добродушным псом.

Очень любил и я Карая. Откуда бы ни возвращался – а мне часто приходится разъезжать – я всегда с радостью и даже с волнением предвкушал встречу с Караем, потому что – ни раньше, ни позже – никто меня после разлуки не приветствовал столь радостно, искренне и бурно выражая свои чувства... Да простит меня бывшая жена (она была равнодушна к животным, потому и оставила мне Карая), я в первую очередь, стремясь домой, думал о нем.

Где только он со мной не бывал, на чем только не ездил, не плавал и не летал! Случалось, я тайком поселял его в своем номере гостиницы или Дома творчества, где порою жил и работал месяцами. Я раскатывал с ним на машине по стране, брал с собой, уезжая в поездки к родственникам или родителям в Великие Луки, мотался с ним на электричке зимой за город на лыжные прогулки – ведь собаке необходим свежий воздух. Съезжая с крутых парголовских гор, я, бывало, уложу его на шею наподобие живого пушистого воротника и со свистом мчусь вниз...

Стоило Караю почувствовать, что я собираюсь на рыбалку, он приходил в страшное возбуждение. Попробуй я хотя бы раз не взять его с собой, он, наверное, никогда бы мне этого не простил! Рыбалка была для него праздником после скучной городской жизни. И не случайно он, бывало, вдруг ни с того ни с сего приволочит ко мне в кабинет резиновые сапоги и, положив их у моих ног, всматривается в меня долгим просящим взглядом, который, казалось, говорит: «Брось-ка ты свою машинку, собирай удочки – и айда на озеро!..» И бывало, – конечно, не в тот же момент, – я начинал рисовать себе заманчивые картины поездки на дальнейшее красивое озеро. Эта мысль все сильнее овладевала мною... И вот уже втроем – я, мой приятель-художник (вдохновенный рыбак) и Карай – мчимся на машине по Московскому шоссе на Новгородчину.

В тот раз мы разбили палатку на берегу озера Вельё – это близ Валдая. Мы спустили моторку на воду и, оставив Карая охранять наш лагерь, укатили за острова порыбачить.

Проливной дождь прогнал нас с озера часа через три. Мой приятель, как и я, промокший до нитки, вслух мечтал, как он сбросит с себя мокрую одежду, натянет сухой тренировочный костюм, предусмотрительно захваченный с собой, и – венец счастья! – заберется в спальный мешок, который ему не терпелось обновить. У меня такого замечательного спального мешка не было, посему и мечты мои были более скромными: вернуться в лагерь, развести костер и обсушиться – не вечно же будет сеять с неба этот треклятый дождь! А потом уж – в палатку, куда я заранее набросал лапника.

Наша лодка ткнулась носом в берег. Сквозь пунктирные серебристые струи дождя, косо хлеставшего с низкого сумрачного неба, еле проглядывала оранжевая палатка, укрывшаяся под сенью ели. Карая нигде не было видно. Это вызвало на мокром лице

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru моего друга насмешливую улыбку: «Сторож, называется! Наверное, выкопал поблизости нору и дрыхнет там». Я промолчал, так как не хотел спешить с выводами.

Друг мой первым нырнул в палатку, и тут же я услышал его вопль! Я последовал за ним – и, рухнув на брезент, разразился громким хохотом: приятель, сидя на корточках перед своим новеньким спальным мешком, произносил гневную, обличительную речь, – а из спального мешка торчала бородатая, с блестящими глазами морда Карая. Простыня прикрывала голову Карая, будто чепчик, и он удивительно походил сейчас на волка, притворившегося доброй бабушкой, чтобы съесть бедную Красную Шапочку. Когда голос моего приятеля срывался на крик, Карай – он и не думал вылезать из мешка, в котором так хорошо пригрелся! – морщил верхнюю губу, показывал клыки, и тогда раздавался негромкий, но внушительный рык.

Приятель, к счастью, обладал чувством юмора, и все закончилось тем, что мы с ним, вволю нахохотавшись, вытащили спальный мешок вместе с Караем на дождь и безжалостно вытряхнули пса оттуда...

К старости Карай стал совсем плохим сторожем – почти оглох. Но я это заметил не сразу, и опять на рыбалке. На этот раз – мы все в том же составе – жили на берегу озера Долгое. Неподалеку находился пионерский лагерь, и дети частенько проходили мимо нас, направляясь в лес или еще куда-нибудь. Однажды в полдень мы возвращались с озера, и как раз одна такая группа проходила мимо палатки. Карай, которому следовало быть начеку, даже головы не поднял – дремал себе на солнышке, спрятав морду в пушистых лапах. Он не услышал, когда мы подошли. Уже потом мой друг, образно рассказывая про этот случай, утверждал, что все происходило так: «Карай!» – Пес приподнял голову и уставился на моего друга: «Что?» – «Чужие!» – Карай вскочил на ноги: «Где?» – «Там!» (Отряд с горном и барабаном удалялся к лесу.) – «А-а!.. Я им покажу-у!..» И Карай с громким лаем помчался в противоположную сторону. Вернулся он скоро, и вид у него был такой, будто он в пух и прах разделался со всеми нарушителями нашей границы...

Уже зная, что он плохо слышит, я поражался его смущению и стыдливости, когда он чувствовал, что опять попал впросак и люди это заметили. В таких случаях он отводил в сторону глаза, опускал хвост, тяжело вздыхал. А немного погодя, пугая нас громким лаем, пулей устремлялся на мнимого врага, облаивал деревья и возвращался с чувством исполненного долга. Но никого поблизости не было, да и чувство исполненного долга было напускным. Умный пес понимал, что он стал плохим сторожем, и очень переживал.

Все это было потом, а сейчас Карай весело бежал по тротуару и не подозревал, что его ожидают большие перемены...

Несколько месяцев после ухода жены я был связан Караем по рукам и ногам – никуда не мог уехать, нигде не мог задержаться больше чем на полдня: все время помнил, что меня дома ждет Карай, что он не из тех собак, которые в отсутствие хозяина стащат что-либо из продуктов или, не сдержав себя, напачкают на пол. Карай будет терпеть и дожидаться меня. Скорее мочевой пузырь лопнет – и такие случаи бывали у псов, – чем оплошает.

Но меня ждала работа, деловые поездки. Я не мог все время сидеть дома и дожидаться, как манна небесной, весны, когда смогу отвезти Карая на станцию Куженкино, где в старом доме проводят лето мои родители. Весны этой я и не дождался. В один прекрасный день я узнал, что мне срочно нужно ехать за границу: выезд через неделю. Куда девать Карая, который всю свою жизнь прожил со мной? Усыпить, как советовали некоторые? Глупости! Никогда!.. Отдать кому-нибудь? Не каждый согласится взять взрослую, пожалуй, уже старую собаку. Тот, кому нужен пес, возьмет в клубе щенка и воспитает сам. Почти все так и поступают.

А у родителей моих маленькая тесная квартира, и в ней полно внучат.

Я звонил своим друзьям, умоляя взять Карая на месяц, ну от силы – на два. Ранней весной я отвезу его в Куженкино, и дело с концом. Правда, потом снова придет осень, зима. Мои родители закроют дом на замок и уедут в город. Но до этого еще было далеко – мне не хотелось думать, что будет потом... Главное – куда устроить Карая сейчас?...

2

Он сразу понял, в чем дело. Эта собачья интуиция всегда меня поражала. Бывало, я еще и чемодан не достал с антресолей, не стал укладываться, а он уже нервно бегал по комнате, глядя на меня умоляющими глазами, дескать, возьми и меня с собой. В общем, грустил, переживал...

Ох, как тяжело было у меня в этот раз на душе! Признаться, и поездка уже не радовала.

Ни звука не доносилось от дверей, с его спартанской подстилки, пока я собирал свой походный чемодан. Не было даже вздохов. Он напряженно лежал на клетчатом вытершемся коврикe, поджав задние лапы под себя, а на передние положив умную, печальную морду. Глаза его, двумя желудями вспучившись на лбу – ему приходилось смотреть на меня снизу вверх, – подозрительно блестя. Он не пошевелился, даже когда я сложил в сумку его немудреные пожитки: запасной поводок с новым ошейником, толстую резиновую палку, с которой он любил играть, удостоверение, что он служебная собака и прошел прививку против бешенства, а также замусоленную родословную – я раньше любил похвастать его предками перед приятелями.

Когда я подошел к нему, он вежливо поднялся, давая понять, что можно забирать и подстилку – эту неприкосновенную территорию собаки, которую она при случае защищает даже от хозяина.

Подстилку взять я не решился. Пока подстилка на месте, собака знает, что здесь ее дом...

Раньше, когда я выводил Карая на улицу, он всегда радостно устремлялся вперед, носился по двору, обнюхивал помеченные до него другими собаками углы, в общем – радовался жизни. Нынче же понуро плелся рядом. Остановившись у цинкового мусорного бака, без всякого удовольствия сделал свои дела и повернул голову ко мне: «Ну, что дальше? Куда идти?» Я кивнул на такси, уже белевшее в сумерках у тротуара сразу за аркой. Все так же понуро он не потрусил, а именно поплелся к машине – опустив голову и изогнув книзу обрубленный хвост. Это было верным признаком дурного настроения. А бывало, когда я подгонял к дому «Жигули», он стрелой устремлялся к машине и прыгал возле дверей, стараясь первым вскочить на сиденье. Он очень любил ездить в автомобиле. Причем если переднее место было свободным, всегда усаживался рядом со мной и с удовольствием смотрел на дорогу. Даже если место было занято, он осторожненько перебирался с заднего сиденья на переднее, деликатно прося потесниться моего попутчика. Становилось жарко, он сползал на резиновый коврик и, с трудом угнездившись на полу, подставлял свою морду под струю холодного воздуха, бьющего из вентиляционного отверстия.

Я поставил чемодан в багажник и раскрыл заднюю дверцу. Карай, стоя на тротуаре, задрал голову и пристально посмотрел мне в глаза. О, этот умный и все понимающий собачий взгляд! Сколько в нем сосредоточено мыслей, сколько невысказанного! Никто больше не способен так глядеть в глаза человеку, как собака. Иногда возникает ощущение, что вот сейчас раскроет пасть – и заговорит, и уж тогда выложит все, что о тебе в этот момент думает! А что бы я мог сейчас ответить Карая?...

Машина мчалась по ленинградским улицам, а мы сидели на заднем сиденье. Когда я положил ему ладонь на голову, он деликатно, будто боясь меня обидеть, уклонился от ласки, пожалуй, впервые с тех пор, как я его помню. Наверное, шофер ничего и не заметил, а между нами происходил немой диалог. «Я понимаю, тебе трудно, – говорил мой добрый Карай. – Я стал в доме лишним. Поступай как знаешь. Только помни одно: я тебя люблю и никогда не продам. Никогда!» Я отвечал: «Ты поживешь у него месяц-два, он хороший парень и тебя не обидит. А потом я увезу тебя в Куженкино. Мы, как и прежде, будем ходить в сосновый бор каждый вечер. Помнишь, туда, к старой путевой будке? Ты снова увидишь своего приятеля Дружка. Я тебе обещаю! А пока потерпи, брат...» Помню, он мордой сам нащупал мою ладонь и уткнулся в нее холодным влажным носом. И я услышал, вернее – не услышал, а почувствовал его тяжкий, судорожный вздох. Так вздыхает, успокаиваясь, долго плакавший ребенок.

Мой приятель, ленинградский композитор, встретил нас у парадной. Он часто бывал у меня и хорошо знал Карая. И пес узнал его, вяло шевельнул хвостом и отвернулся. Смотрел он только на меня. Когда мимо провели овчарку, он даже не взглянул в ее сторону. Разговор с приятелем не клеился – мы обо всем уже успели

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru договориться по телефону. С Фонтанки тоскливо задувал холодный ветер. Гремело где-то на крыше железо. И уже не дождь, а снежинки покалывали наши щеки. «Ради бога, не кричи на него, – говорил я. – Он этого не любит. Скажи по-хорошему, и он все сделает. За сына не беспокойся: Карай никогда маленького не обидит, наоборот, он защищает детей – даже от родителей. Ест он все, что ни дашь. Не избалован».

Я видел, как у Карая от напряжения шевелятся уши, – он внимательно прислушивался к нашему разговору: на лбу собрались глубокие складки. Я всегда помнил, что Карай знает очень много слов. Конечно, он сейчас все понял (а может быть, и еще раньше, когда я говорил о нем по телефону). Я нагнулся к нему и зарылся лицом в мягкую шерсть на шее – он мелко-мелко задрожал. Потрепав его по голове и пробормотав: «Будь, старик, умницей!», я направился к такси. И эти десять метров были невероятно длинными и трудными. Он не пошевелился, не сделал и шага за мной. Только его точеная голова с блестящими влажными глазами медленно поворачивалась мне вслед. Я шел и чувствовал себя предателем. Пусть поневоле, все равно – предатель. И от этого горько и пусто было на душе.

Мой приятель дернул за поводок, но пес не сдвинулся с места – все так же стоял на тротуаре и смотрел. Я решил больше не оборачиваться, невольно ускорил шаги. Лишь из такси я решился посмотреть в ту сторону: Карай стоял все в той же позе и не спускал глаз с машины. Казалось, до последнего момента он не верил, что я сейчас уеду...

Потом приятель рассказывал, что, как только машина ушла, Карай поднял голову и посмотрел ему в глаза. И этот долгий взгляд поразил его прямо-таки человеческой тоской и болью: приятель утверждал, и я ему верю, что в глазах собаки стояли слезы. И с того вечера, всякий раз выходя с кем-нибудь из семейства композитора на прогулку, Карай первым делом бежал на то место, где стояла машина, и тщательно обнюхивал асфальт...

3

Пришла весна – и мы с Караем покидаем Ленинград!

Еще деревья не распустились, на ветвях лишь вспухли пахучие почки, готовые с минуты на минуту взорваться нежной клейкой листвой. Расколосось над крышами зданий хмурое ленинградское небо, и в ярких голубых прорехах заплескался солнечный свет. Из-за каменных зданий солнца не видно, но оно ощущается во всем: в сверкании нарядных витрин магазинов, в хромированном блеске снующих по улицам машин, в бойких солнечных зайчиках, прыгающих на тротуары из окон домов. Солнечный Ленинград – это совсем другой город. Он сразу молодеет лет на сто, становится прозрачнее. И его причудливо украшенные чугуном литьем мосты через Неву уже не кажутся громоздкими, тяжело нависшими над водой, а, наоборот, легкими, воздушными: они не давят на воду – парят над ней. Да и сама Нева в весеннем солнечном блеске совсем другая: светлая, умиротворенная. А белые речные трамвайчики напоминают облака, спустившиеся с неба на тихую воду.

Моя машина спешит, торопится поскорее выбраться на Московский проспект. Карай сидит рядом со мной, и на его морде довольство. Иногда он от избытка чувств с радостным повизгиванием тычет черным пупырчатым носом в мою шею. Я полностью прощен за вынужденное предательство, и между нами, как и прежде, царит полное взаимопонимание. Карай незлопамятен, как, впрочем, большинство животных. По нему не видно, чтобы он очень изменился: все такой же поджарый, легковозбудимый, вот разве – немного отощал... Когда, вернувшись, я говорил по телефону с композитором, то не выдержал и попросил поднести трубку к уху Карая. Я сказал ему всего несколько слов, но в ответ услышал такой жалобный лай, что тут же повесил трубку. Я не ожидал, что он сразу узнает мой голос...

Он простил меня сразу, как только я переступил порог. Мне даже показалось, что он ждал меня, потому что совсем не удивился моему приходу. Он не бросился ко мне, как делал это прежде, когда я возвращался домой из поездок, а подошел какой-то странной, вихляющей походкой, уткнулся головой в колени и мелко-мелко задрожал: эта дрожь выражала высшую степень его волнения. И что удивительно – он сразу понял, что я пришел за ним: когда я поблагодарил приятеля и направился к двери, Карай уже стоял у порога и нетерпеливо лаял – торопил меня поскорее уйти отсюда вместе с ним. Я не скажу, что ему было плохо у моего приятеля. Здесь его тоже полюбили за покладистый характер, ум, деликатность. И я видел, что всем им трудно расставаться с Караем, особенно маленькому сыну: он, весь в слезах,

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru убежал в другую комнату и даже не вышел нас проводить. Кто знает, если бы композитор попросил тогда навсегда оставить ему Карая, я, может быть, так и сделал бы, но приятель мой и сам понимал, что собака – это не только радость в доме, но и немалые заботы: вовремя накормить, вывести... К тому же этим летом он собирался со всей семьей в Болгарию – и перед ним встал бы тот же вопрос: а куда деть Карая?...

Когда я уже сворачивал с площади Мира на Московский проспект, меня остановил милиционер. Я еще издали заметил, что он внимательно смотрит на меня, но не понял, в чем дело. Оказывается, улица ремонтировалась, а я проехал под «кирпич»: солнце било прямо в лобовое стекло, и я не заметил знака. Конечно, инспектору ГАИ ничего не стоило одним движением руки показать на объезд, и все было бы в порядке. Но он не показал: с любопытством смотрел, как я еду под «кирпич», и с тем же любопытством смотрел, как я подаю машину назад из-под знака. Произошел короткий, но внушительный разговор о правилах уличного движения; мне бы смолчать, стерпеть – глядишь, и отделался бы рублем, а я заартачился, доказывая, что неделю назад никакого здесь знака и в помине не было, так разве трудно было дружелюбно и предупредительно показать полосатой палочкой на объезд? Возмездие пришло сразу: милиционер проколол за строптивость мой и без того дырявый талон. Карай, наблюдавший из окна машины за нашим диалогом, увидев, что мне приходится туго, яростно облаял милиционера и даже попытался выскочить из машины в полуоткрытое окно, чтобы по-настоящему потолковать с ним, но не пролез – лишь голова да две мохнатые лапы торчали наружу.

Хорошее весеннее настроение будто корова языком слизнула. Как это обычно бывает, я не успел высказать милиционеру все, что о нем думал, и теперь горячо и убежденно высказывал это Караю. В отличие от блюстителя порядка он слушал меня очень внимательно, оттопырив ухо и немного наклонив голову вбок (тогда я еще не знал, что он постепенно гложет). Выслушав мой сильно затянувшийся монолог, Карай полностью со мной согласился и, положив бородатую голову мне на плечо, попытался таким образом хоть немного смягчить мой праведный гнев...

Уже за Новгородом, кажется, в поселке со смешным названием Харчевня, смешным потому, что ни харчевни, ни какого-либо другого предприятия общественного питания там не было и в помине, Карай удивил и насмешил меня, развеяв остатки дурного настроения, вызванного встречей с инспектором ГАИ.

Я притормозил неподалеку от автобусной остановки, решив взглянуть на задний правый баллон, который, как мне показалось, немного спустил. Воспользовавшись случаем, Карай стремглав выскочил на обочину и напрямик устремился к телеграфному столбу, возле которого (я сразу и не разглядел) стоял участковый милиционер и безучастно смотрел на дорогу. Подскочив сзади к нему, Карай артистически вырвал из его руки полевую сумку, круто развернулся на месте и, радостный, примчался ко мне: получай, мол, трофей... Я, уже было собравшись прикрикнуть на суматошно прыгающего вокруг меня пса, вместо этого от всего сердца рассмеялся. Дело в том, что у инспектора ГАИ, незаслуженно наказавшего меня, была точно такая же полевая сумка. И он, беседуя со мной, раскрыл ее, достал блокнот и занес туда мою фамилию, номер машины. Вот Карай и решил восстановить справедливость. Я извинился перед участковым и вернул ему его законное имущество. Милиционер оказался человеком с юмором и вместе со мной посмеялся над происшедшим. А Карай, отойдя в сторонку, осуждающе смотрел на меня, будто говоря: «Какого черта ты отдал ему сумку? Для чего же я старался?...»

4

Станция Куженкино всегда была для меня той землей обетованной, где я находил временный покой после разных житейских бурь, остывал, восстанавливал душевное равновесие. Здесь летом жили мои родители, родственники. На чердаке находилась пятиметровая комнатка со сколоченным из сосновых досок столом. На деревянных стенах – несколько незатейливых картин да полка с книгами. Ну, еще с десятка поделок из березового капа, которые я на досуге сделал сам. Здесь мне как нигде хорошо работалось.

Думаю, что и Карай любил Куженкино. Стоило мне зимой в Ленинграде произнести это слово, как он начинал возбужденно носиться по комнате и жалобно повизгивать, тем самым выражая свое желание немедленно направиться туда. Ведь мы с ним каждый год с ранней весны до глубокой осени жили на этой небольшой, окруженной сосновыми лесами станции. У Карая был свой деревянный домик с железной крышей, который по моей просьбе смастерил ему местный плотник. Я набросал туда сена, постелил

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru поверх старую овчину, которую отыскал на чердаке. К моему великому огорчению, Карай долго не хотел жить в этом собачьем дворце, больше того, он его первое время полностью игнорировал: укладывался на траву, на тропинку, на крыльцо – только не в домике. Но однажды, когда разразилась гроза с громом и молниями (Карай, как и все собаки, боялся ее), он при первом же ударе грома опрометью бросился в домик и надолго затих там. С тех пор он стал постепенно обживать свои хоромы.

Этот домик, сколоченный из крепких сосновых досок и покрашенный в зеленый цвет, до сих пор сиротливо стоит у сарая рядом с металлической лодкой...

Дом, в котором я живу, довольно старый. Когда мимо станции изредка проносятся пассажирские и товарные поезда – из-под земли приходят могучие толчки, будто кто-то бьет изнутри большой кувалдой по земной тверди; тихонько начинают дребезжать окна, поскрипывать стропила. Еще более чувствительно наш старый дом воспринимает толчки с неба. Над станцией на большой высоте иногда пролетают реактивные самолеты. Преодолевая звуковой барьер, они пополам раскалывают небо. Самый сильный раскат грома ничто по сравнению с этим взрывом в поднебесье. Всякий раз при этом наш дом испуганно вздрагивает, будто его пнули, а стекла уже не дребезжат, а звенят на высокой ноте, грозя вылететь из рам.

Каждый вечер часов в шесть мы с Караем совершаем прогулку. Выходим из калитки, и через дорогу – прямо к деревянному зданию вокзала, построенного еще при царе Горохе.

Тихо в этот предвечерний час на станции. Мазутные рельсы, поблескивая, убегают вдаль, где на горизонте свежо зеленеет сплошная стена леса. Когда-то на насыпи стоял полосатый семафор, а теперь его нет: приземистый светофор занял его место. Пышные облака белыми сугробами громоздятся над остроконечными вершинами стройных сосен. Они загораживают солнце, и на железнодорожную ветку из леса наползают длинные, ломкие тени.

Карай бежит впереди по узкой тропинке вдоль пути. В Куженкине он обрастает длинной шерстью, из-за рыжих курчавых волосин едва видны карие глаза. На тощих бедрах черно-коричневая шерсть буйно завивается, и кажется, будто пес – в галифе. Черная с сединой палка хвоста воинственно задрана вверх.

В руке у меня – вырезанная из березы палка, которой я постукиваю по черным шпалам, поддаю мелкие камешки. Чем ближе мы к лесу, тем больше веет на нас вечерней прохладой, в нос ударяют знакомые запахи сосновой смолы, скошенной травы, луговых цветов. Маршрут у нас всегда один: вдоль линии до светофора, потом вниз с насыпи, под откос, где растет земляника, и, наконец, по узкой лесной тропинке, в основном протоптанной нами, до Рябиновика – так называется неширокий ручей. Ручьем он бывает весной, в разлив, а летом это густо заросший болотными травами луг. Рябиновик мы с Караем переходим редко. Я усаживаюсь на черный, давно обжитый мною пенек, а Карай ложится у ног. Если жарко, он вываливает из пасти красный язык и тяжело дышит, глядя на синичек и трясогузок, прыгающих на полянке. Высокие сосны окружают нас – просвет лишь там, где ручей. Над головой сосредоточенно стучит дятел. Слышно, как сыплется на землю труха. Иногда прилетает с другой стороны Рябиновика ворона и недовольно каркает на нас. По-видимому, у нее где-то близко гнездо.

Глядя на закатное небо, подсвеченное розовым, на медлительные облака, я обдумываю главу повести, над которой сейчас работаю. Пернатые обитатели леса привыкли ко мне и скоро перестают обращать на нас внимание. Птицы, негромко попискивая, снуют меж ветвей, на лугу порхают бабочки и стрекозы. Иногда вдоль кромки леса с воинственным жужжанием пролетает шмель. Скоро Караю надоедает лежать, и он, лениво поднявшись, начинает обследовать окрестности, но далеко от меня не уходит.

Благословенную вечернюю тишину нарушает самый неприятный звук на свете – тоненькое комариное зуденье. Кровапийцы прилетают с луга и сразу всей оравой набрасываются на нас. Белесые, с рыжинкой, твари вонзают свои жадные хоботки во что попало, ухитряются даже проткнуть носки, рубашку. Слышу, как захамкал, лязгая зубами, Карай: он пытается ловить их пастью. Делать нечего – надо подниматься. Зная, что комары так просто не отступятся, мы с Караем прямо с места совершаем небольшой марш-бросок. Мчимся сквозь лес к железнодорожному полотну. Когда останавливаемся, комаров не видно, а если какой спринтер и

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru увязался за нами, я безжалостно уничтожаю его звучным шлепком. Комары здесь хитрые и стараются прилепиться сзади к шее и к голове, зарывшись в волосы.

Слышится протяжный паровозный гудок – по этой ветке все еще ходят древние паровозы, которые по-прежнему милы моему сердцу.

К старости Карай все неохотнее сопровождал меня в лес. Но я привык ходить с ним и всегда уговаривал прогуляться. Он нехотя соглашался, давая понять, что вообще-то ему это ни к чему, но так и быть, ради дружбы. Только теперь он не бежал резво вперед, а уныло плелся сзади, то и дело отставая. И если я забывал о нем, переставал оглядываться и окликать – он сворачивал с пути в сторону, выходил на проселок и, прячась за изгородями, возвращался домой. Правда, я замечал, что всякий раз после этого его мучила совесть. Он вылезал из конуры и, потягиваясь и улыбаясь, вышагивал ко мне навстречу, не сгибая лап, отводя глаза в сторону. Весь вид его выражал раскаяние, смирение. А стоило мне хотя бы слегка пожурить его, как он тут же виновато опускал голову, сгибал свой непокорный твердый хвост и понуро уходил в конуру. И оттуда укоризненно смотрели на меня два карих глаза, почти полностью спрятавшихся в густой шерсти...

Иногда я уезжал по своим делам то в Москву, то в Ленинград, а когда возвращался, естественно, брал Карая на прогулки в лес – в таких случаях он никогда не отказывался меня сопровождать. Вот и на этот раз, обрадованный встречей, он и виду не подал, что в жару ему лучше бы поваляться в прохладной будке, чем плестись со мной. Он даже вырвался вперед и, как раньше, бодро затрусил по тропинке. У светофора, где я обычно сворачивал в лес, Карай куда-то исчез – как сквозь землю провалился. Обычно, если он не хотел гулять, то уходил в сторону гораздо раньше. Посвистав его и решив, что он потихоньку скрылся, я пошел дальше: грех было на него обижаться – годы берут свое, тут уже ничего не поделаешь. Ведь если перевести его собачий возраст на человеческий, то он старик, а старики больше любят на завалинке посидеть да на печи погреться. Возвращаясь почти через час, – снова выйдя из бора к светофору, – я удивился, увидев Карая, который вылез из кустов и, сладко зевая, радушно приветствовал меня, помахивая хвостом и жизнерадостно улыбаясь. Оказывается, чтобы не огорчать меня и снова не чувствовать себя дома виноватым, он просто-напросто спрятался в кусты и подремал, а когда услышал знакомые шаги, появился передо мною – свежий, отдохнувший...

Улыбаются многие собаки, а Карай не был исключением. Всякий раз, стоило мне откуда-нибудь возвратиться домой после долгого отсутствия, Карай выходил навстречу и улыбался. И его неспешная походка, и кривоватая улыбка выражали целую гамму противоречивых чувств: он словно упрекал меня за то, что его не взяли с собой, корил, что я долго отсутствовал, и вместе с тем не мог скрыть радости от того, что видит меня. Конечно, ему не хотелось проявлять эту радость по-щенячьи, с визгом и лизанием рук, но собачьего достоинства ему надолго все равно не хватало – и, немного поддипломатничав, он начинал суматошно прыгать, бросаться на грудь, трепать за рукава и брюки, заглядывать в глаза. Это было трогательно. Но больше всего мне нравилась его улыбка. Он смешно морщил влажный нос, черной кирзовой заплаткой торчавший в золотистой шерсти, приподнимал сбоку коричнево-розовую губу, обнажая ослепительные клыки, и добродушно щурил круглые выразительные глаза.

Несмотря на брызжущую из него радость, улыбка всегда почему-то получалась немного виноватой. Может быть, он просил прощения за то, что осмелился совсем по-человечески выразить свои чувства?...

Карай, безусловно, был пес с ярким характером.

И не всегда у нас с ним было полное взаимопонимание. Иногда меня раздражали его упрямство, настырность, упорное нежелание подчиниться. Случалось, на него накатывало такое, что лучше было его оставить на некоторое время в покое. Он становился раздражительным, угрюмым, непокорным. Мог огрызнуться, угрожающе зарычать, показать клыки – отнюдь не в улыбке.

Что бродило в эти моменты в его собачьей голове, я объяснить не берусь. Он мог часами лежать на одном месте и угрюмо смотреть на кончики своих лап. Или слонялся по комнатам, будто не мог найти себе места. На улице мог без всякого повода яростно схватиться с собакой, с которой обычно играл. Впрочем, все это

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru случалось с ним довольно редко. Вообще-то он был добрым, незлопамятным псом, быстро прощал обиды. А уж если был виноват, то даже после заслуженной трепки первым подходил и, положив голову ко мне на колени, настойчиво смотрел в глаза, как бы заявляя, что он все понял и больше не будет...

Как и у любого собачника, была у меня мысль сделать из своего пса верного защитника, который по команде «Фас!» в мгновение ока расправился бы с любым уличным хулиганом или грабителем. Таких натренированных псов, обычно восточноевропейских овчарок, показывают в кино, по телевизору. Из Карая защитника не получилось – как-никак он все-таки был домашним псом и жил в городской квартире, а ко мне часто приходили в гости друзья, и если бы Карай на каждого бросался, то мне пришлось бы его запирать в другой комнате. А так как я был радушным хозяином и любил гостей, то и Карай стал таким же. Он с удовольствием встречал незнакомых людей, с достоинством их приветствовал и вообще всячески проявлял свое доброжелательное внимание.

Однажды на улице ко мне привязались несколько подвыпивших парней. Сначала я пытался урезонить их словами, а когда они пустили в ход кулаки, стал защищаться. Мой преданный пес в это время носился вокруг нас и возбужденно лаял – он, по-видимому, решил, что мы затеяли веселую игру. С трудом отбившись от двоих здоровенных парней, я схватил третьего за шиворот и швырнул на тротуар. Его кепка почему-то оказалась в моих руках. Сгоряча я запустил ею в сторону оторопевших хулиганов. Свистнув Карая, я бросился в подворотню, понимая, что надо срочно отступать, иначе мне придется туго. Уже на лестничной площадке меня догнал запыхавшийся Карай. В зубах он победно держал чужую кепку...

Карай всегда слишком хорошо относился к людям. Был доверчив и до поры до времени еще ни разу по-настоящему не сталкивался с человеческой подлостью.

5

Этот дом в Куженкине еще до революции построил мой дед. После войны – поселок много раз бомбили немцы – дом подремонтировали. Во время летних отпусков в нашем старом доме собиралось до двадцати человек родни. Все знали Карая, и Карай всех знал. Узнавал даже тех наших родственников, которых и видел-то много лет назад всего один раз.

Я был знаком почти со всеми жителями поселка. Надо сказать, что они относились к Караю очень хорошо. После того как на тринадцатом году жизни я предоставил псу полную свободу передвижения в поселке, он завел здесь массу друзей. Повариха из столовой подкармливала его костями, ребяташки совали ему конфеты и пряники, которые покупали в сельмаге.

Эрдельтерьеров в этих местах никогда не видели. Когда я привез Карая, первое время многие спрашивали: «Как это? Овца или обезьяна?» И все это без намека на юмор. Как-то в шутку я сказал, что Карай – это помесь горной овцы и гималайского медведя. Некоторые всерьез поверили в это и потом авторитетно разъясняли непосвященным удивительное происхождение моего пса.

Местные собаки тоже относились к Караю с сдержанным уважением, старались его не задирать, а он первым собачьих драк не начинал. Лишь один огромный угрюмый пес – судя по всему, вожак в поселке – сразу невзлюбил Карая. Раза два они жестоко схватились. В результате у Карая было прокушено плечо и разодрана нижняя губа, угрюмый пес потерял половину уха и долго хромал. Очевидно, оба они сделали соответствующие выводы: выработали с тех пор особую манеру поведения. Небезынтересно было понаблюдать за ними, когда они ненароком встречались на пыльной дороге. Карай, не пропускавший ни одной собаки, чтобы не обнюхаться с ней, от своего врага отворачивался и начинал деловито обследовать забор или ржавые кусты конского щавеля, растущего возле телеграфных столбов. При этом у него был такой озабоченный вид и он так старательно задирает ногу, не переставая обнюхивать траву, что ни у кого просто не должно было остаться сомнений, что он целиком поглощен этим серьезным занятием. Угрюмый пес вел себя иначе: он тоже прижимался боком к противоположному дощатому забору, но, в отличие от Карая, не совершал обычный собачий ритуал, а поднимал черную с седьми усами морду вверх и сосредоточенно всматривался вдаль. Внушительная, в шрамах, пасть его открывалась, и он издавал негромкий осторожный рык. Затем с места в карьер улепетывал в противоположную сторону, давая понять, что заметил нечто важное, достойное его внимания, и ему сейчас не до Карая. И тут мой пес отрывался от

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru забора или телеграфного столба, волчком разворачивался на месте – оказывается, все это время он незаметно наблюдал за своим противником – и с приглушенным рычанием – не дай бог услышит враг! – решительно припускал за ним, однако не больше пяти-десяти шагов. Так же внезапно останавливался – иногда раскоряченные задние ноги его даже проезжали немного по дороге, поднимая пыль, – и оглядывался на меня: дескать, да ну его к черту, этого угрюмого пса, – у нас ведь тоже есть дела поважнее! И как ни в чем не бывало продолжал свой путь...

Карай был пес пылкий, и ни одна собачья свадьба не обходилась без него. И хотя постоянной подружки у него не замечалось, одна привязанность у него все-таки была. Узнал я это случайно. Как-то, возвращаясь лунной ночью с другого конца поселка, где в старом, приземистом доме на берегу речки жила моя старая знакомая, я увидел у поселковой амбулатории две смутные тени. Это были собаки. Они носились по дороге, валялись в пыли, борясь друг с другом, потом снова вскакивали и, поднявшись на задние лапы, передними обхватывали друг друга, терлись мордами. Утомившись, ложились посреди дороги рядом и любовно облизывали друг друга. Настоящая собачья идиллия при луне!

Каково же было мое удивление, когда, подойдя ближе, в одной из собак я узнал Караю! Он тоже узнал меня и радостно приветствовал. Смешной была эта ночная встреча хозяина, тайком возвращающегося домой от своей подружки, и его верного пса, режвящегося на дороге, тоже с подружкой.

Еще больше я удивился, увидев приятельницу Караю. Это была маленькая кривоногая сучка с бельмом на глазу. Насколько мне помнится, на спине у нее сразу бросался в глаза некрасивый серый рубец: там некогда был вырван клочок шерсти вместе с мясом. Тоненький, как хлыст, хвостик всегда был засунут под провисшее брюхо, которое, казалось, волочилось по земле. В общем, более неприглядную собачонку трудно себе представить. Она жила у слепой старухи и довольно редко показывалась на улице – по-видимому, стесняясь своего уродства.

В ту теплую сентябрьскую ночь мы вернулись домой вдвоем с Караем. Огни в окнах давно погасли. Я просунул руку между досок и открыл калитку, стараясь не греметь задвижкой. Под ногами белела цементная дорожка, ведущая к крыльцу. Мерцали глянцевые листья вишни. Луна облила серебристым светом бурую железную крышу. Соседний дом косо врезался во тьму острым углом. Возле чердачного окна летала какая-то большая птица. В пожухлой картофельной ботве ярко сверкнули и потухли кошачьи глаза. Негромко шуршали в клетках сонные кролики.

Стараясь не шуметь – мои родственники ложились спать рано, – я поднялся на крыльцо. Дверь была заперта. Значит, они решили, что я у себя наверху, и закрылись. Карай, следовавший за мной по пятам, сочувственно заглядывал мне в глаза. Он бы с удовольствием громким лаем разбудил весь дом, но понимал, что в столь поздний час афишировать ночные похождения ни к чему. Подергав меня за штанину – дескать, приглашаю в свою будку, – он отправился спать. Укладывался он всегда шумно, с тяжкими вздохами, постанываниями. Несколько раз громко зевнув и лягнув при этом зубами, он что-то проворчал – очевидно, пожелал мне спокойной ночи – и затих.

На следующий день я вместе со своими многочисленными родственниками проходил как раз по той самой улице, где предыдущей ночью повстречался с Караем и его подружкой. Мы всей гурьбой отправились за грибами. Из подворотни грязно-серым клубком выкатилась плешивая, с бельмом, собачонка и радостно бросилась навстречу Караю. При дневном свете она выглядела еще неказистее. Волоча отвисшие соски по пыли и крутя изо всех сил прутиком-хвостиком, она припала на кривые передние лапы, приглашая его поиграть, порезвиться.

И тут Карай повел себя совсем неожиданно. Вместо того чтобы остановиться, обнюхать свою подружку – я вспомнил, как азартно они играли при луне, – он вытаращил на нее глаза, будто увидел впервые в жизни. Кирпичеобразная бородатая морда породистого интеллигента выразила явное отвращение. Возмущенно тряхнув головой, так, что треугольные уши хлопнули, он старательно обошел опешившую собачонку и гордо, не оглядываясь, затрусил впереди наблюдавших за ним моих спутников. Его целеустремленная походка и озабоченный вид свидетельствовали о том, что произошло какое-то недоразумение, эта странная, уродливая мадам приняла его за кого-то другого – он и знать-то ее не знает! Чуть позже я посмотрел в его карие бесстыжие глаза и только покачал головой: «Ну и фрукт же ты, кобель!» Он отлично понял меня – отвернулся, вздохнул и мотнул головой в сторону

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru
родственников: мол, таким только попадись на зубок – житья не дадут, засмеют!..

А насмешек над собой Карай не терпел. Если подшучивали над кем-нибудь другим, он с удовольствием принимал участие в общем веселье – прыгал, лаял, дурачился, но лишь только сам становился объектом шуток – тотчас примолкал, втягивал голову в плечи и настороженно смотрел насмешнику в глаза. Если тот не унимался, откуда-то из глубин собачьего нутра, нарастая, поднималось глухое грозное рычание. Оно становилось все громче, верхняя губа начинала дрожать, приподниматься, открывая белые острые клыки. Если и это не помогало, он мог в сердцах броситься на шутника и немного потрепать за брюки или цапнуть за руку, правда, несильно: в этом отношении он всегда следил за собой – с его клыками ничего не стоило прокусить руку или ногу, но за все время, что он жил у меня, никого всерьез не покусал, даже запянцовского мужичонку Лешку Паршина по прозвищу Мухомор.

6

Мухомор появился в Куженкине давно. Попал он сюда случайно: с пришедшей бригадой шабашников – раньше таких много слонялось по деревням и селам – нанялся строить дом вдове Боровой. Дом срубил, да так и остался у вдовы – в новом-то доме. Мужичонка он был из себя невидный, щербатый, с вечно красным – морковкой – носом. Даже удивительно было, что нашла в нем породная, с ястребиным взглядом вдова Боровая. Как бы там ни было, Паршин остался при ней навсегда. Поговаривали, что скорая на расправу вдова иногда его поколачивала, когда он, держась за заборы, представал перед ее грозными глазами в непотребном виде.

Мастер он был на все руки: мог плотничать, столярничать, сапожничать, клал печи в избах, резал скот, птицу, кроликов. Из выделанного меха шил рукавицы, зимние шапки.

У нас Мухомор заменял сгнившие рамы. Работал он не спеша, обстоятельно – с месяц, не меньше, провозился с этим делом. Тут-то я с ним как следует и познакомился. Был он невысокого роста, кряжистый, почти без зубов – наверное, поэтому редко улыбался. Правда, когда бывал сильно нетрезв, на лице его появлялась беззубая улыбка младенца. Почти всегда ходил заросший белесой с рыжиной щетиной. Возраст Мухомора трудно было определить: ему можно было дать и пятьдесят и все семьдесят, кому сколько не жалко. Сам он утверждал, что ему сорок девять, причем сколько лет я его знал, ему все время было сорок девять.

С Караем у Мухомора сразу установились прохладные отношения. Мой пес не любил пьющих людей. Мухомор же любил подразнить Карая. Видно, ему было скучно одному тукать топором и шаркать рубанком, он и вел долгие беседы с псом. Пока он молот всякую чепуху, Карай еще терпел, но как только начинал дышать на него перегаром, тыкать в нос корявым пальцем и дергать за бороду, называя его дремучим дедом, пес возмущался и уходил в будку, обиженно ворча. Но настырный мужичонка не отставал, совал задубевшую руку в конуру и вытаскивал оттуда Карая за толстые пушистые лапы. Тут уж пес не выдерживал: громко рычал в лицо, хватал зубами за руки, но довольно осторожно. Это еще больше раздражало Мухомора. Он, разевая беззубый рот – впрочем, у него еще оставалось с десяток зубов, растущих вкось и вкривь, – громко хохотал, возмущая Карая. В конце концов тот вскакивал в коридор, а оттуда по узенькой крутой лестнице с трудом вскарабкался ко мне на чердак. Носом отворял дверь и укладывался под дощатый стол, за которым я работал, и долго еще возмущенно ворчал, жалуясь на Мухомора.

Несмотря на все причиняемые ему неприятности, однажды Карай спас Лешку Паршина от верной смерти. Случилось это жарким летом. Мухомор в компании приятелей загулял на берегу узенькой речушки Ладыженки. В этом живописном месте на равнинном лугу растут огромные редкие сосны. В грибную осень прямо в пожухлой траве можно собирать крепенькие грибы-боровики. В летние праздники сельчане всегда тут устраивают общественные гулянья. Дело было под вечер. Собутельники понемногу разбрелись по домам. И как так случилось, что он сунулся своей плешивой головой в речку, ни он, ни кто другой не знает – то ли захотел попить, то ли освежить гудящую голову. Но как бы там ни было, он оказался в речке, только ноги в кирзовых сапогах остались на берегу. И хотя тут было мелко, да и вообще, как говорится, вся речка – воробью по колено, Лешка захлебнулся и, посучив ногами, затих. Каким-то образом здесь оказался Карай – я уже говорил, что он в Куженкине пользовался неограниченной свободой. Увидев, что Мухомору почти пришел конец, пес попытался вытащить его из речки за ноги, но, стащив один сапог, отказался от этой затеи. Предпринял он еще одну безуспешную попытку: вцепился в штаны и, упираясь лапами в сыпучий песок, потащил. Штаны содрал с

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru
Мухомора почти до половины, а самого не смог даже сдвинуть с места. Тогда Карай уселся рядом с захлебнувшимся бедолагой и истошно завыл. Проходившие по опушке леса парни услышали этот жуткий вой и прибежали к речке. Вытащили недвижимо Мухомора и с трудом откачали. Он потом, надо полагать – в шутку, утверждал, что из него вылилось ведро «ерша»: вода-то внутри перемешалась с водкой!

А в поселке после этого случая говорили, что пьяного сам бог бережет. Бог богом, но спас Лешку Паршина Карай. Казалось бы, уж после этого-то случая Мухомор изменит свое отношение к псу – как бы не так! По-прежнему привязывался к нему, дразнил. И даже придумал такую шутку: зажимал одной рукой голову Карая, а другой совал ему в рот бутылку с остатками красного вина. Увидев однажды такое, я выговорил ему. «Не с кем выпить-то! – оправдывался Мухомор. – А собаки, они могут. Говорят, в городе есть такие, что с утра околачиваются у пивных ларьков...»

Надо сказать, что мой пес совершенно не терпел насилия одного живого существа над другим. Я это знал лучше всех. Когда у меня еще была семья и мне приходилось строго разговаривать с сыном, Карай тут же вмешивался, начинал наступать на меня, рычать, показывать клыки. И если жена налетала на меня – а такое случалось, – он тотчас же становился между нами, всем своим видом показывая, что не потерпит в доме скандала. Больше того, увидев на улице, что разгневанная мать замахивается на свое провинившееся чадо, Карай налетал на нее и яростно облаивал.

Это свойство Карая стало причиной того, что однажды он все-таки цапнул Мухомора за руку – крепко и ни за что. Мой дядя, пенсионер, – он не первый год летом разводил кроликов, – попросил Мухомора зарезать одного к празднику. Привычный к таким делам, Паршин вытащил из клетки зверька, схватил за задние лапы и размахнулся, чтобы ударить его по голове колотушкой. В ту же секунду в запястье Мухомора впились собачьи клыки. Опешивший Лешка выронил палку и выпустил кролика. Карай схватил злосчастное орудие убийства и, отбежав в сторону, принялся с яростным рычанием крошить его клыками на мелкие части.

Жизнь кролику он, конечно, не спас, а дядю и Мухомора разозлил здорово.

7

Эрдельтерьеры по природе своей охотничьи собаки. Правда, это качество они превосходно соединяют со сторожевой службой. А один из предков моего Карая – в родословной это отмечено – обнаружил в Ленинградской области полторы тысячи мин: вышагивал впереди саперов, опустив нос-миноискатель в землю, и находил деревянные немецкие мины, которые аппаратом не обнаружишь.

Природный инстинкт – могучая сила. Эрдельтерьеры и фокстерьеры (да и вообще все терьеры) специалисты по зверью, живущему в норах. Карай не мог равнодушно пройти мимо любой норы. Останавливался, начинал принюхиваться, потом копать. Копал он землю мощными передними лапами, а задними отпихивал ее в стороны. Причем работал быстро, ловко, как землеройная машина. Это интересно – наблюдать за роющей собакой. Случается, он почти весь забирается в нору – оттуда торчит лишь его хвост. Именно за эту «рукоятку» и вытаскивает охотник фокстерьера из норы. А тот, в свою очередь, волочит за собой лисицу или барсука, крепко вцепившись ему в загривок или в шею.

Мы часто прогуливались с Караем по куженкинским лесам. Они были кругом, куда ни пойдешь. Сразу за бывшим клубом начинался чистый сосновый бор. Перейдешь железнодорожный путь, за Рябиновиком – другой бор, более глухой и уже дремучий. Этот бор перемежается березовыми рощами, клюквенными болотами. В смешанном лесу захламяно больше, чем в бору. Как-то, лет шесть назад, был сильный снегопад, а потом разыгралась буря. И сотни, тысячи молодых деревьев погибли. Лесники понемногу разбирают завалы, но в глуши еще часто можно встретить переплетенные полусгнившие стволы толстых и тонких деревьев. В таких местах всегда много дятлов – обыкновенных пестрых и больших черных с красным хохолком.

Вот в таком захламяном мрачноватом бору Карай и обнаружил лисью нору. Казалось бы, городской пес, большую часть жизни проживший вдалеке от леса, откуда ему знать, как нужно действовать в подобных случаях? Однако Карай знал. Он нашел именно тот вход в нору, который нужно, и принялся азартно рыть. Мне скоро надоело смотреть на него, тем более что пес уже наполовину ушел под землю. Нимало не беспокоясь за собаку – Карай всегда меня находил, – я отправился дальше, но тут скоро наткнулся на грибную полянку и, забыв про все на свете,

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru стал вылушивать из-под мха чуть видные бархатисто-коричневые шляпки белых грибов. Озираясь, я ползал на коленях, находил гриб, долго любовался на него, затем с сожалением срезал и снова вертел головой, выискивая следующий, – ведь белые обычно растут большими семьями. Я взял тут что-то около тридцати боровиков, причем все как на подбор крепыши и чуть побольше наперстка. Я представил, как аппетитно будут они выглядеть замаринованные в закатанной поллитровой банке.

Услышав странный визг, я сначала даже не подумал, что это Карай. Мой мужественный пес никогда не издавал столь нежных, ласковых повизгиваний. Это было что-то новое. Я пошел на визг и увидел такое, во что сразу и не поверишь: возле кучи вывороченной земли на боку разлегся Карай, разбросав в стороны все четыре толстые лапы, и заботливо вылизывал трех совсем маленьких лисят, которых осторожно вытащил из разоренной норы. Я поразился – на моих глазах в собаке столкнулись два могучих инстинкта: звериный охотничий – и гуманный родительский! Обнаружив нору, Карай поступил как охотник: он стал разрывать ее. Наткнувшись на беспомощных лисят, он подавил в себе охотничий инстинкт и повел себя с ними будто родная мать. Ощетинившиеся зверьки фыркали, скалили молочные зубки, щипали его, но Карай самозабвенно ухаживал за ними, носом опрокидывал на спину, вылизывал голые брюшки, даже стал ревниво оберегать от меня, когда я нагнулся к лисяткам.

Большого труда стоило мне увести его от норы. Наверное, спрятавшись где-то неподалеку, лиса-мать вся извелась от страха за свое потомство. Карай смотрел то на сбившихся в кучу дрожащих лисят, то на меня, предлагая забрать их с собой. Видя, что я стою неподвижно, осторожно взял одного в пасть, собираясь унести с собой, но тут же оставил и схватил второго. При этом он повизгивал, и в этом повизгивании звучали совсем незнакомые мне нотки. Да, Карай любил все юное, беспомощное и готов был голову сложить, грудью защищая слабого.

После этого случая, как только мы приходили в тот лес, Карай надолго отлучался. И я его никогда не удерживал, потому что знал, куда он устремлялся, – все к той же норе. Но я знал и другое: лиса-мать давным-давно перетащила своих детенышей в более безопасное логово. Так что напрасно мой пес жалобно и призывно повизгивал у развороченной норы, вызывая оттуда маленьких зверят.

8

Поселковые ребята любили Карая и, проходя мимо нашего дома, частенько вызывали его на улицу поиграть. Тот никогда не отказывался. Так как калитка была на задвижке, до которой ему было никак не дотянуться (хотя он не раз пытался лапой отодвинуть щеколду), Карай вспрыгивал на деревянный сруб колодца, оттуда сигал на территорию столовой – там ворота всегда раскрыты – и выбегал на улицу. Я сквозь пальцы смотрел на эти штучки: поселок не город – пусть хоть здесь пес чувствует себя свободно.

Каково же было мое удивление, когда председатель поселкового Совета, встретив меня на улице, посетовал на то, что Карай каждое утро занимается самым настоящим разбоем: становится возле нашего дома посередине дороги и отбирает у малышей, спешащих в школу, их законные завтраки! Когда я усомнился в этом, председатель назвал мне женщину, которая пришла в поселковый Совет и пожаловалась на пса, что тот уж который раз отбирает у ее сына школьный завтрак.

Я решил проследить за действиями Карая. Занял утром наивыгоднейшую позицию у окна своей комнаты и стал наблюдать за дорогой, что проходила под нашими окнами. Потянулись первые школьники, но Карай все был в бездействии: лежал себе у крыльца и позевывал, щурясь от яркого утреннего солнца. Но вот перед нашим домом остановились четверо мальчишек и одна девочка. Посовещавшись, они подошли к калитке и, прижав носы к забору, негромко позвали Карая. Тот будто ждал этого: проворно вскочил на ноги, вспрыгнул на сруб колодца и, звякнув порожним ведром, очутился на территории столовой.

Присев у забора, ребята стали гладить Карая, кто-то достал из портфеля еду, стал угощать пса. Тот не отказывался. Хватал угощение и проглатывал с удовольствием. Ни о каком грабеже не могло быть и речи! Но когда я уже готов был покинуть свой наблюдательный пост, увидел еще одного мальчишку, лет девяти. Он не подошел к компании, а, прижав портфель к груди, боком-боком пробирался вдоль противоположного забора. Чувствовалось, что этот паренек сильно озабочен и не ждет ничего хорошего от встречи с одноклассниками. Так оно и случилось:

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru мальчишки стали показывать на него пальцем и говорить Караю: «Возьми его, Карай! Возьми!» Мой пес – очевидно, в благодарность за угощение – решительно направился к мальчугану. И хотя вид у него был довольно серьезный, он не рычал и не лаял (кроме того, я хорошо знал своего пса: ребенка он ни за что не тронет). Однако школьник в ужасе прижался к забору и стал лихорадочно открывать замок своего портфеля. Видно, пальцы его не слушались – он нервничал и, что самое удивительное, заискивающе улыбался, хотя глаза его настороженно следили за приближающимся Караем. Ни одно животное не любит, когда его боятся, а этот мальчуган явно трусил, хотя и старался изо всех сил скрыть это от своих приятелей, а может быть, неприятелей: пусть люди и не обладают собачьим чутьем, но трусов тоже быстро распознают и не любят. Мальчуган вытащил из портфеля пакет и, не развернув бумагу, бросил его перед Караем, который деловито обнюхал угощение и, взяв в зубы, удалился, чтобы где-нибудь на травке обстоятельно разобраться с ним.

Я вышел на крошечный балкон и, напустив на себя суровость, хотя самому было смешно, посоветовал ребятам больше не заниматься такими делами. Мальчишки засмутились, кто-то сказал, что Вовка Мосин – трус и боится Карая, а тот никого не кусает. Другой добавил, что Вовка – жадина, у него зимой снега не выпросишь, а вот Караю весь свой завтрак отдает. Рассмеявшись и подхватив портфели, ребята убежали в школу. А расстроенный Вовка, бросив на меня исподлобья быстрый взгляд и опасливо покосившись на Карая, поплелся вслед за ними – один, соблюдая порядочную дистанцию...

9

Это случилось в августе 1973 года. На огородах уже отцвела картошка, пожухли зеленые стрелки лука, наливались на яблонях плоды. Дни стояли жаркие, лишь вечером вместе с разрозненными стаями комаров приходила прохлада. В этот год в наших краях была сушь, горели леса, торфяные болота. Иногда по нескольку дней кряду откуда-то тянуло горьковатой гарью. Привыкшие к чистому воздуху стрижи забирались в прохладную голубую высь, превращаясь в крошечные черные крестики. По утрам на крышу соседнего дома прилетали хмурые вороны и, лениво разгуливая по замшелой дранке, мрачно каркали.

Я долбил во дворе стамеской березовый кап, надеясь, что из него получится приличная ваза. Вот уже второй год я увлекался этим интересным делом, но больших успехов пока не достиг. Работа с покладистым деревом доставляла мне удовольствие. Особенно приятно было это занятие после долгого сидения за пишущей машинкой. Словоохотливая соседка – она доставала из колодца воду – рассказывала последние поселковые новости: ее подвыпивший муж, завклубом, забрался ночью в помещение и запустил на всю мощность радиолу – разбудил почти весь поселок (признаться, я ничего не слышал); у Васильевой кто-то залез в крольчатник и выпустил всех кроликов – та бегаёт теперь по огородам, ловит своих питомцев. В потоке всех этих сообщений мелькнуло одно, насторожившее меня: соседка обронила, что рано утром свора собак вытоптала весь огород у Зиминой, – картошка еще ничего, а вот помидоры и огурцы пострадали. Та даже бегала в поселковый Совет жаловаться.

Я вспомнил, что вот уже второй день редко видел Карая на дворе. С вечера он появился весь взлохмаченный, с высунутым языком, быстро полакал из своей алюминиевой чашки и забрался в тень, даже не обратив внимания на то, что его чашку атаковали воробьи, – обычно он поднимался и прогонял их, а тут головы не повернул. Ясно – среди поселковых собак объявилась очередная невеста, и все псы потеряли голову.

Отложив стамеску, я вышел за калитку. Солнце нещадно пекло макушку: редкая жара для начала осени! Тронутые желтизной листья на липе свернулись в тугие трубки; пронесется порыв ветра – и они затрепещат, будто кастаньеты. В песке купались куры – растопыривали перья, вбирая в себя дорожную пыль, раскрывали клювы, трясли головами с розовыми гребнями. Возле них резво прыгали воробьи – этим и жара нипочем.

Поселок наш не очень большой, и за полчаса я обошел его весь, но собачью свадьбу так нигде и не повстречал. На всякий случай посвистал Карая – без всякой, впрочем, надежды, что он тут же прибежит: если идет собачья свадьба, в силу вступает инстинкт продолжения рода – и никакая собака не откликнется. Я возвратился домой и снова принял терзать многострадальный кап. Если бы я знал, что все так кончится, то исходил бы все окрестности вдоль и поперек, а Карая

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru
отыскал...

В полдень прибежала моя семилетняя племянница Лариса и, размазывая слезы по щекам, сообщила: «Карая убили!..» В первый момент ни я, ни родственники этому не поверили. Кто мог убить в поселке собаку, которая никому не причинила зла, которую все любили? Ничего больше не добившись от перепуганной девчушки, я бросился к амбулатории – по словам племянницы, именно там, в каком-то пустом сарае, убили Карая. Я все еще не верил этому – мало ли что могло показаться ребенку?! Ну, стреляли в собак, но почему именно в Карая?

Я нашел его в полутемном дровяном сарае. Земляной пол был густо усыпан щепками. Сквозь щели в крыше сюда проникали тоненькие солнечные лучи. Один из них запутался в рыжеватой шерсти Карая, который лежал на щепках и опилках, отбросив в сторону все четыре толстые, пушистые лапы. Черная верхняя губа у него приподнялась, и казалось – Карай улыбается. Это не был злобный оскал – наоборот, так Карай всегда приветствовал меня, своих знакомых. Чуть в стороне скорчилась серая бельмастая сучка, та самая, с которой я однажды ночью увидел своего Карая. Как они тогда весело играли!..

Я взял своего уже одеревеневшего друга на руки и понес по улице к перелеску, за которым сразу начинался сосновый бор. Мы так часто ходили туда с ним... Не хочу вспоминать, что за мысли тогда приходили мне в голову. Я не мог себе представить человека, у которого не дрогнула бы рука вот так взять и выстрелить в беззащитное животное, причем в тот самый момент, когда оно во власти самого сильного инстинкта в мире. Какое надо иметь жестокое, черствое сердце!

Я похоронил Карая на опушке леса. Рядом протекал ручей, заросший травой и осокой. Похоронил на травянистом бугре, обложил могилу дерном, а позже, осенью, посадил молодую березку и тоненькую сосенку. Березка с трудом прижилась, причем ствол почернел, засох, а в рост пошла одна из ветвей – так что если и вырастет, то будет кривобокой и уродливой. Зато сосенка схватилась хорошо – теперь она уже ростом выше меня.

Убил Карая Лешка Паршин. Я вспомнил, как он, сильно подвыпивший, как-то, за неделю до этого, зашел к нам и, вытащив из кармана бутылку дешевого вермута, попросил стакан. Моя мать вынесла ему тарелку с закуской, чистый стакан. Лешка пил в одиночестве и, как всегда, вел длинные беседы с Караем, брезгливо смотревшим на него. Я долбил свою деревянную вазу и краем уха слышал Лешкино бормотанье: «Небось в городе-то барином живешь. В ванной моют? С этой, как ее? Шампунью, а? Гребнем небось расчесывают твои лохмы, а? Не житуха, а один праздник? В городе-то тебе малина, а тут, брат, комарики зудят, вон репейник и колючки в шерсти... Да и брюхо не тугое, как барабан! У нас тут мясов-деликатесов нету. Эх ты-ы!.. Карай-барай!..» Карай терпеливо выслушивал всю эту чепуху, может быть, надеясь, что ему перепадет что-нибудь из закуски: за то время, пока Мухомор перебирал нам рамы, он приучил пса к этому...

А произошло все это так: старуха Зимина пожаловалась-таки председателю поселкового Совета, что собаки вытоптали ее огород. Околачивавшийся тут же Лешка Паршин вызвался расправиться с вредителями, если ему поставят за это бутылку красного. Я так и не выяснил, кто ему посулил эту несчастную бутылку, председатель или Зимина, но как бы там ни было, он получил разрешение на отстрел бездомных собак и ушел за ружьем. У него самого оружия не было, так он выпросил у Коли Михайлова, что жил наискосок от него.

Вместе с мальчишками, почуявшими занятное зрелище, он загнал всю свору в сарай и, закрыв дверь, выпалил из обоих стволов. Слегка зацепленные дробью собаки с диким воем сиганули в окно. Перезарядив ружье, Лешка хладнокровно расстрелял оставшихся в сарае Карая и сучку...

Уже потом, через год-два, – до этого я не мог видеть щербатую красноносую физиономию Мухомора, – я спросил его, зачем он это сделал? Если ему так уж нужна была эта несчастная бутылка, пришел бы ко мне – я бы купил ему. Лешка стал все сваливать на председателя – мол, это он велел ликвидировать бездомных собак. «Ты ведь лучше всех знал, что Карай не бездомная собака?» – «В сарае-то темно было. Не разглядел со свету!»

А еще позже, хмельным завернув ко мне, Лешка Паршин стал бить себя в грудь и, плача пьяными слезами, говорить, что Карай до сих пор ему ночами снится. Мать

Брат мой меньший. Вильям Федорович Козлов buckshee.petimer.ru
родная не является во сне, а Карай вот приходит и глядит в упор. Улыбается этак
криво и будто сказать что-то хочет...

И еще одно сказал мне Мухомор. Он сказал, что, когда все собаки разбежались,
Карай остался. Повернул к нему, Лешке, голову и оскалил клыки. А когда тот
поднял ружье («Вот те крест, не вру!»), Карай загородил своим телом бельмастую
сучку... Сгоряча Лешка нажал на курки...

Я поверил ему, Лешке Мухомору: Карай был отважным, благородным псом.

1977

Спасибо, что читали книгу на форуме Бакши buckshee-Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни. Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/>

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, спортивное питание, косметика, сайт

Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!

сайт <http://petimer.com/>